

— Если говоря о, в нашей деревне ни одна семья еще не позволяла своим потомкам иметь личную собственность. Я первым разрешу это. Какая бы ветвь рода ни хотела приобрести землю, я согласен.

— Старик, не слишком ли это? — Тун выразила беспокойство. Помочь одному Цинжаню приобрести землю — это одно, но если вся семья начнет так делать, в деревне начнутся разговоры. Создав такой прецедент, другие семьи тоже начнут поступать так, хотя, возможно, из страха перед родительским авторитетом, не будут открыто говорить об этом. Но сам факт появления таких мыслей — это уже плохо.

— Не могу думать обо всем этом. Сначала я помогу Цинжаню, а остальных подожду. Я объясню им ситуацию, чтобы они понимали, что происходит. Когда они решат, я начну действовать. К тому времени, когда все будет сделано, даже если родня будет ворчать, это будет не так страшно. Что они смогут сделать?

Дедушка Чжун сиял, словно помолодел на несколько лет.

— Семья, я уверен, согласится. У нас все хорошо, мы позволяем им копить личные сбережения, но даже это не сравнится с возможностью иметь свою землю до раздела семьи.

План дедушки Чжуна был прост — сначала дать пощечину, а затем предложить пряник.

Чжун Цинжань, представляя себя на месте других, тоже считал, что это значительно снизит семейные конфликты. Когда они сосредоточатся на собственной выгоде, зависть и недовольство в его сторону уменьшатся до безопасного уровня.

Тун не разбиралась в сложных теориях, но, судя по себе, она понимала, что, если нельзя изменить решение главы семьи, лучше ухватиться за то, что под рукой. Она думала, что если бы в ее молодости, до раздела семьи, они могли тайно приобрести землю, она бы не могла сдержать радости, не обращая внимания на остальное.

На следующий день дедушка Чжун, полный сил, рано утром отправился с Чжун Цинжанем к старосте деревни.

Некоторые холмы на окраине Горы Лу принадлежали деревне и не могли быть проданы. Остальные уже были куплены. Лучшие и ближайшие участки уже заняты, а оставшиеся свободные земли были либо далеко, либо с редкой растительностью, оставляя Чжун Цинжаню мало выбора.

Покупка горы — это не пустяк, и дедушка Чжун не мог сразу принять решение, как в случае с полями. Вместе с внуком они выбрали несколько небольших холмов, которые Чжун Цинжань мог себе позволить, и вместе со старостой осмотрели их. В итоге они остановились на холме площадью около ста пятидесяти му, не слишком далеко от деревни Хэвань.

Цена на горные земли отличалась от цен на склоны. Хотя подножие горы можно было превратить в пашню, верхняя часть была непригодна для обработки, поэтому горы обычно оценивались в один лян за му.

Чжун Цинжань назвал купленный холм «Сяошань», мечтая в будущем купить и соседнюю гору, назвав ее «Яошань», чтобы вместе они образовали слово «Сяояо», удовлетворяя его внутренние желания.

В деревне Хэвань передача земель обычно регистрировалась у старосты, чтобы сэкономить на

плате посредникам. Лучше подарить что-то, чем платить реальные деньги.

Чжун Цзэси долго смотрел на удаляющиеся фигуры дедушки Чжуна и Чжун Цинжана, пока его жена, Ван, не хлопнула его, чтобы он очнулся.

— Семья Чжунов, похоже, идет в гору!

— Старик, о чем ты? Они снова пришли покупать землю? Неужели прошло так мало времени?

— Ван цокала языком, в ее голосе звучала редкостная зависть.

— Да, они снова купили холм для их любимого внука, Цинжана, за вот такую сумму, — Чжун Цзэси показал цифру жестом.

— Что, так много! И все это для Цинжана? — Ван повысила голос, ее лицо выражало недоверие.

Действительно, почти сто пятьдесят лянов, потраченные без раздумий, да еще и на имя Чжун Цинжана, а не на пашню — это было невероятно.

Староста был человеком слова. В прошлый раз он скрыл площадь заболоченных полей, купленных Чжун Цинжанем, и до сих пор никто не знал об этом. На этот раз он не стал скрывать, потому что дедушка Чжун и Чжун Цинжань не собирались это скрывать. В отличие от заболоченных полей, холм сразу начнут использовать, и скрыть это будет невозможно.

Вернувшись домой, дедушка Чжун созвал сыновей, невесток и разумных внуков, чтобы сообщить о своем решении. Семья Чжун взорвалась.

Услышав новость, не только невестки, но и трое сыновей не могли сохранить спокойствие. В их глазах читались и удивление, и возбуждение. Это было большое, даже огромное событие. В семье Чжун, кроме четвертой ветви, у которой едва ли хватило бы денег на му склона, остальные могли собрать достаточно для покупки одного-двух му земли.

Не дав присутствующим опомниться, дедушка Чжун предупредил их:

— Мне все равно, что вы думаете. Если вы начнете зацикливаться только на своих землях, пренебрегая общими делами, то больше не сможете приобретать землю. Кроме того, те, кто женился, должны ежегодно отдавать одну десятую дохода в общую казну. Остальное я не буду контролировать.

На это все пять ветвей семьи Чжун согласились, хотя Ли была не слишком довольна. Видя, как все радуются, она с трудом выдавила улыбку.

Чжун Чжэнсинь учился в академии, расходуя семейные деньги. У нее, включая приданое и сбережения за последние годы, едва хватило бы на покупку одного-двух му низкокачественной земли, но могла ли она позволить себе это? Нет. Семья знала, что у нее есть личные сбережения, но это совсем другое, чем прямое приобретение земли. Чтобы не повредить репутации мужа, Ли могла только копить деньги, не тратя их, что вызывало у нее сильное раздражение.

Но это было еще не все. Дедушка Чжун бросил еще одну бомбу.

— Что, батя, ты что сказал? — Мин, еще не отошедшая от радости, с трудом восприняла эту новость.

— Да, именно то, что вы услышали. Помните, как Цинжань спас того человека? Это его благодарность, — дедушка Чжун серьезно оглядел всех, а затем продолжил. — Цинжань не только это сделал, он и меня спас. Если вы этого не понимаете, то, видимо, так и останетесь на этом уровне, и большего не достигнете. Смотрите шире, не цепляйтесь за то, что вам не принадлежит. Если будете так делать, даже если семейное благополучие временно улучшится, оно не продержится долго.

Только что испытавшие радость, все словно окатили холодной водой. Они не могли ни радоваться, ни злиться, чувствуя себя крайне неловко.

Мин была не глупа, просто она часто говорила быстрее, чем думала. Теперь, осознав ситуацию, она не могла возражать, даже если была недовольна. Ведь ее сын был в выигрыше, и она не могла подрывать свои же позиции.

Первая ветвь не возражала. Остальные четыре ветви — третья и пятая — были без глав семей, и их мнение не имело веса. Четвертая ветвь, судя по тому, как их дети относились к Чжун Цинжаню, тоже не стала бы спорить. Остался только Чжун Чжэнъи из второй ветви, который был умным и понимал, что возражать против решения дедушки Чжуна бесполезно. Лучше получить реальную выгоду.

Это событие вызвало волну в семье Чжун, но по разным причинам все успокоилось, и серьезных конфликтов не возникло. Однако, если семья Чжун успокоилась, это не означало, что деревня последовала их примеру. Новость о том, что Чжун Цинжань купил холм, разлетелась по деревне Хэвань за полдня и начала распространяться дальше, вызывая множество разговоров.

На следующий день дедушка Чжун отправился с Чжун Цинжанем в управу, чтобы оформить Красный контракт на холм. Из-за крупной суммы сделки только налог на оформление составил почти шесть лянов. После всех этих расходов у Чжун Цинжана осталось всего несколько лянов, что выглядело довольно печально.

Попрощавшись со старостой, они отправились в еще ремонтируемую лавку.

— Дедушка, управляющего и приказчиков будем искать со стороны или своих людей поставим?
— осмотревшись, Чжун Цинжань задал вопрос, который его волновал.

<http://bllate.org/book/16837/1548094>